

Сергей Терентьевич Аксентьев

«Монастырские» каникулы В. В. Верещагина

О пребывании художника летом 1899 года в Крыму
у Балаклавского Свято-Георгиевского монастыря

Георгиевский монастырь близ Севастополя. Почтовая открытка начала XX века

Балаклавский мужской Свято-Георгиевский монастырь расположен в десяти верстах от Севастополя. Точная дата его основания неизвестна. По преданию, однажды у мыса Фиолент «римские греки, имея коммерческий промысел, во время плаванья <...> были застигнуты страшною бурей и гонимы волнами к отторженным от гряды гор чудовищным камням. Видя свою неизбежную погибель, [они] вопияли об избавлении к великомученику Георгию. Он,

услышав вопль их сердечный, явился на большом камне, отстоящем от берега в десяти сажнях, и буря в тот же час утихла. Греки, бывшие на краю гибели, спасенные покровительством великомученика, взяли икону с камня и в знак благодарности близ того самого места, где погибали, устроили в скале (около 891 года) <...> пещерную церковь и поставили чудотворную икону; более других набожные стали жить при храме постоянно и положили основание обители»¹.

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

В. Сипсон. Свято-Георгиевский монастырь. Акварель. 1855 год

Первое же документальное упоминание о монастыре относится к 1578 году и принадлежит перу польского посла в Крымском ханстве Мартину Броневскому: «В этом месте есть деревня не ничтожная и неподалеку на берегу моря на каменистой горе греческий монастырь. Там обычно празднуют ежегодно торжество святого Георгия благочестивые греки-христиане»².

Многие знаменитые и безвестные путешественники, отдыхающие побывали в этих чарующих местах. Восхищенные фантастическим нагромождением береговых скал, красотой пляжа, вырубленной монахами в скалистом грунте лестницей, крутым серпантинном сбегаящей с двухсотметровой высоты от монастырских гостиниц к морю, родником, бьющим из скалы, они навсегда увозили отсюда запечатленную в памяти сказку. Российский писатель и дипломат И. М. Муравьев-Апостол сообщал в одном из писем приятелю: «Если ты, друг мой, услышишь когда-нибудь, что я сделался отшельником, то ищи меня в Георгиевском монастыре»³. Иностранцы называли мыс Фиолент «русской Ривьерой», а епископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов. 1800–1857) утверждал: Крым создан, чтобы стать нашим Афоном.

В 1890-х годах XIX века монастырь переживал пору расцвета и пользовался среди петербургской и московской интеллигенции

большой популярностью как место экзотического уединенного и относительно недорогого отдыха. Ниже обитатели на террасах располагались принадлежавшие ей дачные домики. Наверху была монастырская гостиница, которая летом сдавалась; при ней имелся пансион.

Сюда-то в 1899 году (точная дата не установлена) и приехал с семьей «на полтора летних месяцев» Василий Васильевич Верещагин.

* * *

Компания здесь на тот момент подобралась любопытная: кроме Верещагина, — друг и земляк А. П. Чехова, журналист, писатель «толстовец» Петр Алексеевич Сергеенко, правовед, историк, армянский общественный деятель Григорий Аветович Джаншиев и... молодой священник Георгий Апполонович Гапон, позже получивший известность как «провокаатор поп Гапон»⁴.

Знакомство Верещагина с Сергеенко и Джаншиевым состоялось в начале 1899 года в московской типографии И. Н. Кушнерева, где они ждали окончания печатания своих работ: Василий Васильевич — «Листков из записной книжки», Петр Алексеевич — «Как живет и работает граф Лев Николаевич Толстой», Григорий Аветович — «Из эпохи великих реформ». Как только все хлопоты остались позади, новые знакомые,

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Василий Васильевич Верещагин за мольбертом.
Фотография 1902 года*

обменявшись дарственными экземплярами, расстались, чтобы, как оказалось, спустя несколько месяцев вновь неожиданно встретиться у Георгиевского монастыря.

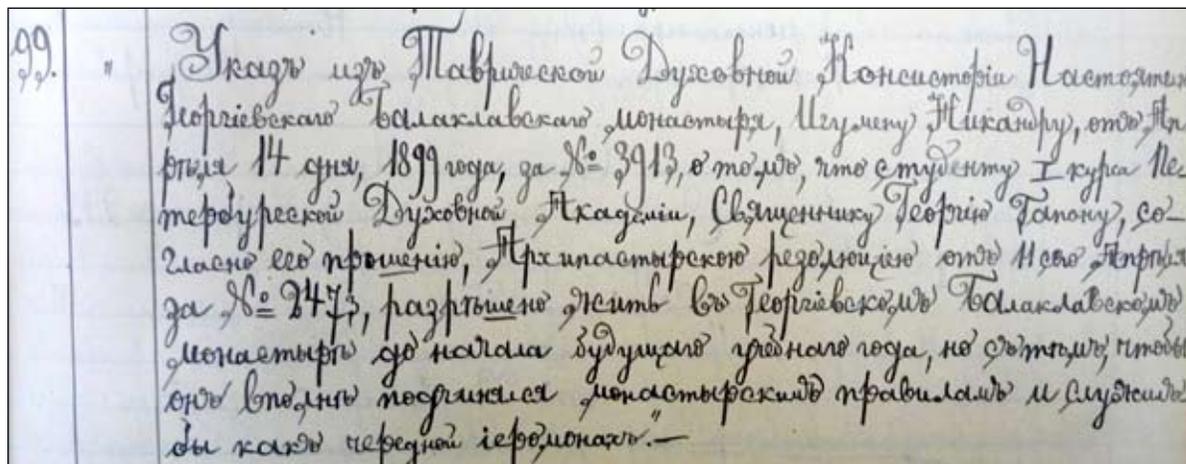
Там Верещагин с женой и двумя детьми снимал небольшой домик, стоявший на террасе каменного склона в окружении кипарисов и кустов роз. Сергеенко с Джаншиевым квартировали наверху в монастырской гостинице. Вскоре, вспоминает Петр Алексеевич, «в Георгиевском монастыре поселился и бывал в нашей компании молодой

священник-академик, сыгравший довольно громкую роль — о. Георгий Гапон»⁵.

Преодо мной выписка из приходной книги Балаклавского Свято-Георгиевского монастыря за 1899 год о получении указа из Таврической духовной консистории «настоятелю <...> игумену Никандру <...> о том, что студенту I курса Петербургской духовной академии священнику Георгию Гапону, согласно его прошению, архипастырскою резолюцией от 11 сего апреля за № 2473 разрешается жить в Георгиевском Балаклавском монастыре до начала будущего учебного года, но с тем, чтобы он вполне подчинялся монастырским правилам и служил бы как чередной иеромонах»⁶.

Сам Гапон свое появление в обители объясняет так: разочаровавшись в миссионерстве среди фабричных молодых рабочих Петербурга, он «стал мечтать о мирной жизни в одном из монастырей, где бы на лоне природы мог молиться, не смущаемый житейскими грехами»⁷. Внезапная смерть жены в конце 1898 года ускорила это решение. «Настроение и мое здоровье пошатнулись, и серьезно обеспокоенные друзья мои сделали подписку, к которой присоединилась и академия, чтобы отправить меня куда-нибудь, где бы я мог совершенно поправиться. Я поехал в Крым»⁸. В Ялте он повстречал епископа Таврического и Симферопольского Николая (Зиорова) и произвел на него очень сильное впечатление. Проникнувшись сочувствием к бедам Гапона, владыка предложил ему пожить вдали от мирской суеты в Балаклавском Георгиевском монастыре.

...Однажды у монастырского источника к Верещагину подошел молодой священник с запоминающейся внешностью и проник-

*Выписка из Приходной книги Балаклавского Георгиевского монастыря за 1899 год.
Фотография автора*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

* * *

новенным взглядом умных печальных глаз. Разговорились. Оказалось, это слушатель Петербургской духовной академии Георгий Гапон. Василий Васильевич признался новому знакомому, что давно приметил его, подолгу простаивавшего у кромки воды и пристально всматривающегося в морскую даль. «Вы, — сказал художник, — должно быть, или человек с поэтической натурой, глубоко чувствующий природу, или же у вас на сердце кошки скребут, и вы не знаете, какой путь себе выбрать, а идти вам еще далеко-далеко и долго-долго, а посему надо вам не ошибиться»⁹. — «Я люблю смотреть на море, — был ответ. — Мне кажется, что оно дышит как живое <...> на свое намерение проступить в монастырь я стал смотреть иначе, чем смотрел, когда был утомлен и в отчаянии»¹⁰ — «А зачем вам стоять на распутье? Сбросьте рясу! Не надо ее! В свете так много работы, требующей затраты всей нашей энергии»¹¹. Эту беседу Гапон запомнил и привел в цитируемой здесь книге. Верещагина же описанная встреча вдохновила на этюд «На берегу моря близ Георгиевского монастыря»: пустынный пляж и одинокая фигура священника, в облике которого отчетливо угадывается Георгий Гапон...

Каждый из стихийно сложившейся компании, охотно принимал участие в совместных неспешных прогулках. Джаншиев, наделенный даром выискивать одушевленные образы в неодушевленных предметах, заразил этим и Верещагина. В часы благодушного настроения, «отдаваясь потребности общения с людьми», Василий Васильевич с увлечением декламировал приятелям свои стихи и тоже стремился в бесформенном нагромождении скал разглядеть человеческие черты. Однажды он заявил спутникам, что «отыскал образ Наполеона в Георгиевском монастыре». Для этого «надо было стать на известном месте и, прищурясь, смотреть на мыс Фиолент. Тогда очертания первой, как бы шагающей в море скалы Фиолента будут напоминать известный силуэт Наполеона со скрещенными на груди руками»¹². Однако приятели, как ни шурились и откуда бы ни глядели, к огорчению Верещагина, легендарной фигуры так и не увидели.

Основное же время Василий Васильевич отдавал живописи. «Верещагин всегда горел жаром творчества — рыскал по берегу моря и, облюбовав какой-нибудь уголок, с увлечением брался за работу, <...> впиваясь

*В. В. Верещагин. На берегу моря близ Георгиевского монастыря.
Масло. 1899 год (ранее считалось 1897 год)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

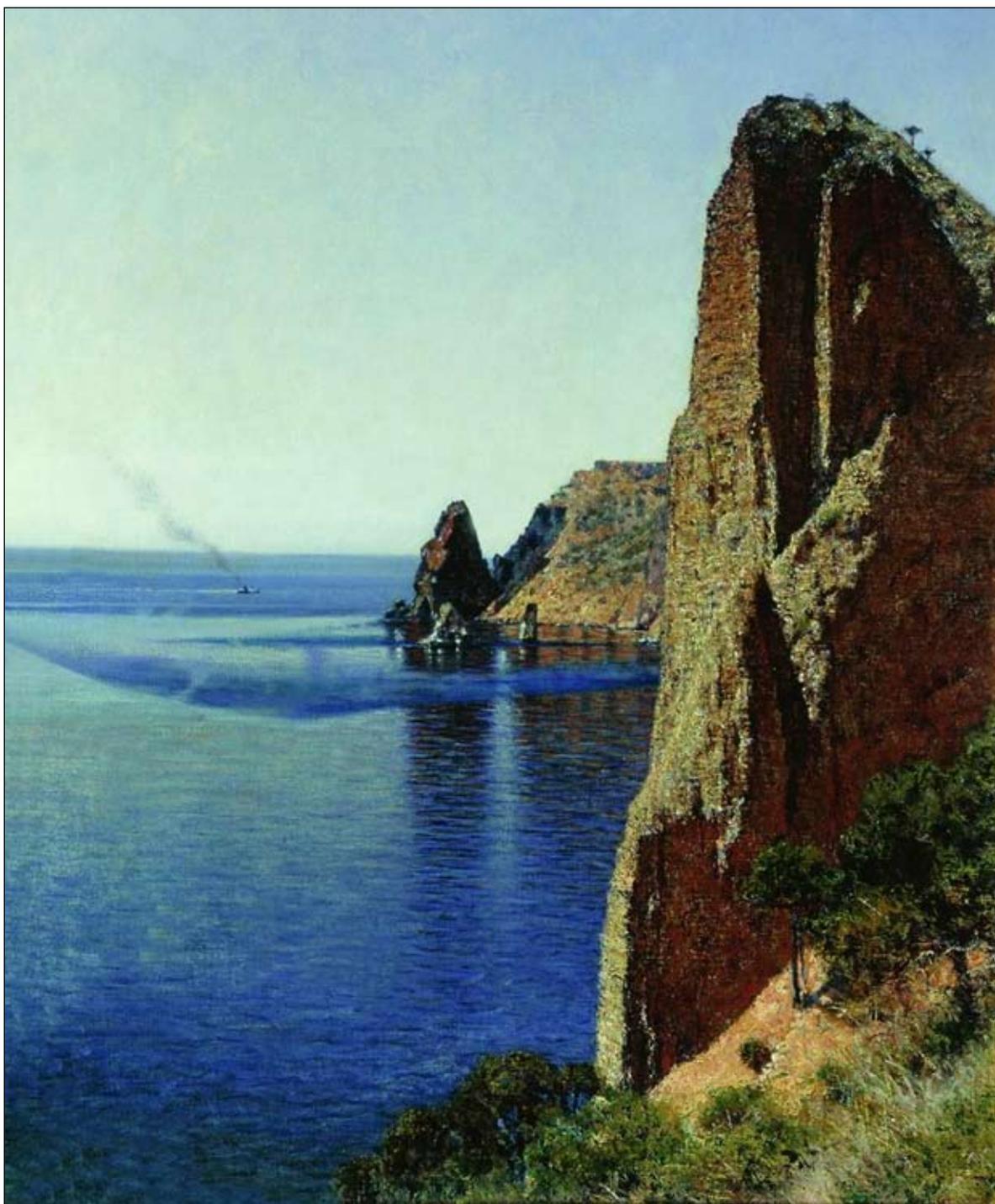
*Храм Святого Георгия и мыс Фиолент.
Фотография автора 2011 год*

Свято-Георгиевский монастырь сегодня. Фотография автора 2011 год

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*В. В. Верещагин. Скала Крестовая и мыс Фиолент у Севастополя.
Масло. 1899 год (ранее считалось 1897 год)?*

остро ошупывающим взглядом во всякую подробность изображаемого портрета. И не приведи Господи кого-нибудь приблизиться было в то время к Верещагину! Он делал гневные движения, быстро поворачивал этюд в сторону или прятал его, а сам оборачивался спиной к проходившим по берегу и все время стоял столбом, пока не затихали шаги. А иногда прибегал к такому приему: заметив на пляже приближающихся знакомых дам, Верещагин закрывал этюд, наклон-

ялся низко к земле и упорно перебирал руками разноцветные камешки, делая вид, что не видит и не слышит никого»¹³. Однажды, всецело поглощенный делом, он отказался принять адмирала — своего бывшего однокашника по Морскому кадетскому корпусу. «На другой день во время купанья <...> заговорили с Верещагиным о неудачном визите адмирала. Но Верещагин отнесся к случившемуся эпизоду как к чему-то весьма отдаленному и утратившему живой интерес

для него»¹⁴. А Гапону сказал: «Конечно, мне приятно было бы поговорить со старым знакомым, но работа прежде всего. Я не могу по желанию чувствовать вдохновение и находить подходящее освещение и потому не могу пренебрегать ими»¹⁵.

Любопытно складывались отношения между Верещагиным и Гапоном. Если Джаншиев и Сергеенко спокойно переносили странности и даже резкости маэстро, то самолюбивый Гапон, высоко чтивший художника, тем не менее, любое невнимание к себе воспринимал как вызов. «Невозможно было смотреть без улыбки, когда эти два завзятых казака по природе встречались неожиданно после какого-нибудь неулаженного конфликта между ними. Обыкновенно все кончалось тем, что либо «неприятеля» расходились и делали вид в течение нескольких дней, что «не замечают» друг друга, или, молодецки рассмеявшись, начинали с увлечением беседовать как ни в чем не бывало»¹⁶.

* * *

...Пролетели летние каникулы, и герои нашего рассказа разъехались в разные стороны, чтобы больше никогда не встретиться.

Василий Васильевич Верещагин в конце года отправится на Филиппины. Затем будут США, Куба, Япония. 31 марта 1904 года художник завершит свой земной путь на борту взорванного вражеской миной броненосца «Петропавловск».

Георгий Аветович Джаншиев откроет на свои средства в России и Армении двенадцать приютов для сирот и, не дожив до пятидесяти лет, 30 июня 1900 года скончается в Москве, обретя вечный покой на Армянском кладбище.

Петр Алексеевич Сергеенко, не выдержав произвола чиновников, разрушивших любовно созданный им в Севастополе (1920—

1924) дом-музей Льва Толстого, 7 июля 1930 года умрет от сердечной недостаточности и будет похоронен в севастопольской земле, которую защищал в Крымскую войну 26-летний подпоручик — обожаемый им Лев Николаевич Толстой.

Георгий Апполонович Гапон в монастырь, как одно время намеревался, не уйдет. «Во время моего пребывания в монастыре я встречался со многими интересными личностями, из которых трем я обязан своим решением вернуться в мир. Наиболее известный из трех это великий художник Василий Верещагин. <...> Вторым человеком, имевшим на меня большое влияние, был писатель по фамилии Янчев (Джаншиев. — С. А.). <...> Третьим человеком, окончательно убедившим меня оставить все мысли о монашеской карьере, был старый идеалист сороковых годов Михайлов (так почему-то назван Сергеенко. — С. А.)»¹⁷. 28 марта 1906 года на даче в Озерках под Санкт-Петербургом Гапон будет убит (повешен) группой рабочих-эсеров.

* * *

Что же касается верещагинского художественного наследия того периода, то теперь, можно с уверенностью сказать: летом 1899 года, а не 1897-го, как считается, были написаны: «Крестовая гора с Георгиевским монастырем (утром) в Крыму», «На берегу моря близ Георгиевского монастыря», «Мыс Фиолент вблизи Севастополя», «В Крыму» (женщина в розовом платье под розовым зонтиком с книгой в руках, сидящая в раскладном кресле у моря) и «Портрет госпожи В.» Некоторые из этих этюдов считаются утраченными, некоторые находятся в разных музеях бывшего Советского Союза. Последние почти не экспонируются и мало известны широкому кругу почитателей таланта художника.

¹Исаев В., Хейза М. Балаклавский Свято-Георгиевский монастырь. Симферополь, 2010.

²Там же.

³[Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. С.Пб., 1823.

⁴Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938.

⁵Сергеенко П. Встречи с Верещагиным // Русские ведомости. 1904. 5 апреля (№ 75).

⁶Государственный архив города Симферополя. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 20.

⁷Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926.

⁸Там же.

⁹Цит. по: Коничев К. Повесть о Верещагине. М.—Л., 1964.

¹⁰Гапон Г. Указ. соч.

¹¹Там же.

¹²Сергеенко П. Указ. соч.

¹³Там же.

¹⁴Там же.

¹⁵Гапон Г. Указ. соч.

¹⁶Сергеенко П. Указ. соч.

¹⁷Гапон Г. Указ. соч.